

ДЕВЯНОСТЫЕ

ГОДЫ ТЯГОТ,
НАДЕЖД
И СВЕРШЕНИЙ

Коллектив авторов

**Девяностые – годы тягот,
надежд и свершений**

«Интермедиатор»

УДК 94(470+571)«1991/2000»
ББК 63.3(2)64

Коллектив авторов

Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / Коллектив авторов — «Интермедиатор»,

ISBN 978-5-91603-714-2

1990-е годы были одними из самых тяжелых и сложных для людей в послевоенной истории нашей страны. Но это было также время огромных надежд на то, что удастся совершить решительный поворот в нашем развитии, создать принципиально новую, рыночную экономику и демократическое общество. В чем-то эти надежды сбылись, в чем-то нет, но нельзя отрицать, что именно девяностые изменили Россию. Об этом времени Евгений Григорьевич Ясин десять лет назад, когда нюансы событий были еще свежи в памяти многих, беседовал в студии радиостанции «Эхо Москвы» со своими коллегами-реформаторами, пионерами российского предпринимательства, экспертами в различных сферах экономической, политической и общественной жизни. Сегодня эти беседы воспринимаются как документ эпохи — перед читателями разворачивается картина тех «лихих и славных» лет во всей их сложности и противоречивости. Собеседники Е. Г. Ясина откровенно рассказывают о проблемах, с которыми пришлось столкнуться реформаторам, о своих ошибках, разочарованиях и достижениях. Речь идет не только о том, что получило развитие в более благоприятных условиях нулевых годов, но и о том, что, напротив, стало постепенно демонтироваться. Однако фундамент, заложенный в девяностые, оказался столь прочным, что многими «наработками» тех лет мы пользуемся до сих пор, а иные еще ждут своего часа и способны дать новый толчок развитию страны.

УДК 94(470+571)«1991/2000»

ББК 63.3(2)64

ISBN 978-5-91603-714-2

© Коллектив авторов

© Интермедиатор

Содержание

Предисловие	7
I. Неизбежность и боязнь реформ 1990-Х ГОДОВ	9
1. Причина кризиса: к чему шла советская экономика (Е. Ясин)	9
2 Август 1991 года. ГКЧП (Е. Ясин)	23
Расстрел парламента в 1993 году (Е. Ясин – Е. Гайдар)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Девяностые – годы тягот, надежд и свершений

Составитель Евгений Ясин

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Составитель Е. Г. Ясин

Ответственный редактор Н. М. Плискевич

Электронное издание на основе печатного издания: Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / сост. Е. Г. Ясин; отв. ред. Н. М. Плискевич. – Москва; Челябинск: Социум, 2019. – 508 с. – ISBN 978-5-906401-96-0. – Текст: непосредственный.

© ООО «ИД «Социум», 201

Предисловие

Время летит быстро. И нам, пережившим очередной слом эпох отечественной истории, свершившийся на рубеже 8090-х годов прошлого столетия, даже немного удивительно сознавать, что с того времени прошло уже почти тридцать лет. В народной памяти события тех времен устойчиво закрепились (к тому же поддерживаемые уже более десятилетия официальной пропагандой) в виде идеологического клише «лихие девяностые». Правда, дело тут не только в пропаганде. Для большинства наших сограждан это действительно было время тяжелых испытаний, поставившее массу семей просто на грань выживания. И сегодня поколение миллениалов узнает о тех временах от родителей или старших членов семьи, в чьей памяти те годы связаны прежде всего с перенесенными лично ими трудностями, нередко с крушением возможностей по-прежнему заниматься любимой профессией, на освоение которой еще в советских условиях было затрачено много сил и времени. Свою лепту вносит и та психологическая особенность большинства людей, которая заставляет собственные успехи относить исключительно к личным способностям, деловым качествам и т. п., а отнюдь не к тем возможностям, которые вдруг открылись перед ними именно благодаря проводимым в стране реформам.

Я понимаю причины господства таких настроений, сочувствую людям, для которых те годы оказались, возможно, самыми тяжелыми в их жизни. Но вместе с тем категорически не согласен с этими настроениями. Для меня это годы успехов, поистине славные девяностые. Ибо я осознаю, какие грандиозные, не имевшие прецедентов в мировой истории преобразования удалось осуществить в те годы в нашей стране. Причем в ситуации, когда накопившиеся в старой советской системе проблемы и диспропорции достигли уже такого масштаба, что ее крушение вполне могло бы пройти по гораздо более жесткому сценарию.

Разумеется, молодые реформаторы команды Гайдара, которые, можно сказать, шли по минному полю, делали ошибки. Много просто не удалось осуществить из-за обострившегося политического противостояния. Многие меры оказались половинчатыми из-за боязни возрастания социального недовольства. И все же то, что удалось сделать, позволило уже к 1997 году начать медленный восстановительный рост.

Конечно, тут сразу вспомнят кризис 1998 года, не отдавая себе отчета в том, что и его во многом породили те смягчения политики, на которые правительство, нередко неоправданно, вынуждено было идти в предшествующий период. И как раз кризисная ситуация 1998 года позволила правительству Евгения Максимовича Примакова впервые за несколько лет провести сбалансированный бюджет, придерживаться жесткой финансовой политики, на которую раньше не соглашалась Государственная Дума. В результате в стране начался рост производства. Причем это произошло еще до повышения мировых цен на нефть.

Хочется вновь напомнить, что сегодня, даже не сознавая этого, мы имеем для преодоления новых трудностей систему, фундамент которой был заложен именно в 1990-е годы. К сожалению, многое из заложенного тогда могло быть намного успешнее развито в 2000-е годы. В тех гораздо более благоприятных условиях можно было заняться устранением дефектов, которые нередко были связаны со спецификой политической борьбы в предшествующее десятилетие. Но этого не произошло. Напротив, часть из созданных в 1990-е годы несущих конструкций нового общества была или демонтирована, или искажена. В то же время многое сохранилось и вполне может получить новый импульс развития.

Именно поэтому мне вновь захотелось рассказать, прежде всего молодому поколению наших сограждан, о том, что представляли собой реформы 1990-х годов во всей их сложности. Для этого я решил обратиться к циклу моих бесед на радиостанции «Эхо Москвы», посвященных тем самым славным девяностым. Тогда, в 2008 году, удалось побеседовать со многими реформаторами (кое-кого уже нет с нами, как Егора Тимуровича Гайдара), с экспертами по

разным аспектам реформирования отечественной экономики и общества в целом. Тогда мы обсуждали с самых разных сторон преобразования советских плановых и авторитарных реалий в новые, основанные на принципах рынка, а значит – экономической свободы, и политической демократии. Причем в памяти участников этих бесед были еще свежи не просто общие принципы реформ, но и их важные детали, о которых сегодня многие наши сограждане могли забыть или не знали о них вообще.

Эти беседы вошли в книгу в обработанном варианте. Напомню высказывание нашего знаменитого литературоведа и мастера устного рассказа Ираклия Луарсабовича Андроникова: слово написанное и слово сказанное – разные способы выражения одних и тех же мыслей. А кроме того, спустя десять лет после этих бесед в прямом эфире что-то хотелось бы уточнить и дополнить. Ведь тогда я и мои собеседники были ограничены строгими рамками хронометража передач, и на объяснение каких-то нюансов нередко просто не хватало времени.

Но главное – читатели книги смогут узнать мнения людей, непосредственно занимавшихся трудным делом реформирования, познакомиться с мотивами, которыми они руководствовались, принимая те или иные решения. Не меньший интерес представляют и свидетельства того, как реформы тормозились, саботировались, а потом начали отчасти потихоньку сворачиваться. Все это поможет читателям более трезво взглянуть и на то, что происходило в 1990-е годы, и на то, как развивались события в 2000-х годах, и на то, что происходит в наши дни.

Е.Г. Ясин
2019 год

I. Неизбежность и боязнь реформ 1990-Х ГОДОВ

1. Причина кризиса: к чему шла советская экономика (Е. Ясин)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, обращаясь к теме «Славные девяностые» – думаю о них как о «славных», а совсем не как о «лихих», хотя проблем там хватало, – я хочу в начале наших бесед попросить вас перенестись в период, который предшествовал этому. Ведь не секрет, что многие наши соотечественники теперь с тоской вспоминают советские времена, говорят о том, что была некая стабильность; если ты не «высовывался», то жизнь катилась по привычной колее, не было ощущения, что в любой момент вдруг все обрушится. У кого-то были сбережения, на которые теоретически можно было купить хоть машину, хоть квартиру. А в том, что они вдруг обратились в ничто, обвиняют, как вы знаете, команду либералов-реформаторов. В магазинах было пусто, но холодильники оказывались полны. Бесплатное образование, бесплатная медицина; правда, о том, какова она была, можно почитать у Жванецкого, да и образование было далеко не одинаковым. То есть все как будто было хорошо. Но в то же время, наверное, если все было крепко и все стояло так, как надо, это не могло рухнуть само по себе. Тогда возникает вопрос: почему рухнула советская власть?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Это вопрос очень серьезный. И мне кажется, об этом надо говорить, объяснять людям, почему все получилось так, а не иначе. Могло ли получиться иначе, а самое главное – насколько иначе. Почему тогда мы не могли пойти, скажем, по китайскому пути, почему у нас потери оказались гораздо больше, чем в Польше, или в Чехии, или в каких-то других странах. Но, при всех пережитых трудностях, начиная эту беседу, я считаю чрезвычайно важным сказать, что в действительности 1990-е годы – это были великие времена, не просто славные. Это были времена, когда действительно решалась судьба нашей страны. Хотя, разумеется, я не тешу себя надеждой, что смогу убедить всех. Это невозможно. Я знаю, что многие годы формировалось – и «сверху» и «снизу» – абсолютно отрицательное отношение к 1990-м годам очень многих людей, в том числе и тех, кто в период перестройки поддерживал демократические реформы, демократизацию в нашей стране и т. д. Но тем не менее я попытаюсь показать и неизбежность краха советской системы, и корни тех трудностей, через которые нам пришлось пройти, выходя из нее.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Так в чем же вы видите корни кризиса?

Е. ЯСИН: Главные факторы этого кризиса – это Октябрьская революция, это установление плановой системы хозяйствования, бюрократической системы. Провозглашалось, что мы строим социализм, но на самом деле это был самый жесткий вариант государственно-монополистического капитализма. Его увидел еще Ленин в Германии в годы Первой мировой войны, когда, естественно, все имеющиеся ресурсы были сконцентрированы на военных целях, а государство брало себе значительные регулирующие полномочия. И Ленин, как, может быть, помнят те, кто учился еще в Советском Союзе, писал, что именно эта система «есть полнейшая материальная подготовка социализма», есть та ступенька исторической лестницы, между которой и ступенькой, называемой социализмом, «никаких промежуточных ступеней нет». Для того чтобы перейти на эту ступеньку, надо просто взять власть, установить так называемую диктатуру пролетариата, на деле вылившуюся в закрепощение трудящихся, лишенных всяких возможностей отстаивать свои интересы, по сути – тоталитарную политическую диктатуру. Все это привело к установлению в стране крайней степени монополизма, административно-командной иерархии. Она управлялась как единая фабрика с палочной дисциплиной. Я бы даже о госка-

питализме не говорил: капитализм предполагает хоть какое-то наличие рыночных механизмов. А у нас остался только колхозный базар.

Я имею в виду прежде всего 1930-е годы, ну, в общем, до смерти Сталина. Но и в последующие десятилетия монополизм бюрократии и в экономике, и в политике, и в идеологии оставался ключевым элементом системы. Были, конечно, моменты некоторых послаблений, но они не меняли сути. Такая ситуация, возможно, удобна для военного времени, но в условиях мира так долго жить нельзя. Проблемы накапливались, темпы роста экономики резко упали. Да и люди, пусть тихо, стали все больше задавать вопросов. Почему они живут так бедно, несравнимо с тем, что они увидели в Европе в период наступления наших войск в 1945 году, да и позже, когда железный занавес чуть-чуть приоткрылся?

Вспомним кровавые события в Новочеркасске в 1963 году. А ведь тогда то тут, то там возникали и менее трагические локальные брожения, связанные с крайне низкой оплатой труда и вынужденным, но неизбежным повышением цен на продовольствие. Я, в общем-то, непосредственно столкнулся с нашей экономикой только тогда, когда уже стал учиться в университете. Начало 1970-х годов. Я был в аспирантуре, общался с друзьями, коллегами на нашем факультете, на балюстраде, там, где теперь расположен факультет журналистики. И я помню наш разговор со Славой Бессоновым, тогда аспирантом, а сейчас профессором Высшей школы экономики. И он сказал: «Я не могу понять только одного, как эта система еще работает? Почему ходят трамваи, почему есть вода в кране? Потому что она, эта система, алогична». Она создает проблемы, которые решать можно только героизмом. И стало быть, со временем подойдет кризис и этот кризис придется каким-то образом разрешать. И ясно, что это будет непросто. Значит, это действительно было так. Я удивился тогда степени своего согласия с Бессоновым.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но ведь до начала семидесятых были так называемые косыгинские реформы...

Е. ЯСИН: Конечно. Этот разговор был, по сути, следствием провала первой попытки реформирования системы – «косыгинских реформ». Однако сам факт, что руководство решилось на такой шаг, свидетельствует о серьезных неполадках в системе, копившихся все послевоенные годы. Это понимало и руководство страны, и наиболее умные, незашоренные экономисты, которым иногда удавалось опубликовать работы, вызывавшие оживленные дискуссии. Вспомним хотя бы знаменитую книгу Геннадия Степановича Лисичкина «План и рынок», где он доказывал, что мы не так глупы и плохи, что это планы не учитывают реальных потребностей. Причем Лисичкин был к тому периоду не только ученым, за его плечами было председательство в колхозе на целине, в Казахстане. Эта книга дала импульс известной в те времена дискуссии «товарников» и «антитоварников», то есть тех, кто пытался показать перспективность внедрения в советскую систему, пусть в ограниченном виде, рыночных отношений, и их противников. Я уже сравнивал когда-то роль книги Лисичкина с солженицынским «Одним днем Ивана Денисовича». Она пробила брешь в монолите официальной советской экономической теории. Но главное – уже в 1950-х годах стало понятно, что при таком уровне эксплуатации люди долго не выдержат. Да и отставание стало расти.

И тогда новое руководство, пришедшее после свержения Хрущева, объявило о начале реформ под лозунгом «материального стимулирования» трудовых усилий. Были разработаны системы премирования за выполнение планов, была введена так называемая тринадцатая зарплата и т. д. Предлагалось также дать некоторую самостоятельность предприятиям, выполнившим плановые задания. Но тут, правда, скоро оказалось, что на это нет ни времени, ни ресурсов.

Еще на один момент я хотел бы обратить внимание. Провозглашая реформы и понимая, что в результате у населения появится больше наличных денег, авторы реформ заложили в директивы VIII пятилетки утвержденное XXIII съездом КПСС задание, согласно которому производство товаров народного потребления должно было бы расти больше, чем производ-

ство средств производства, а в этой позиции обычно «пряталось» и вооружение. Так вот: это задание было сорвано. По итогам VIII пятилетки производство средств производства выросло все же больше, чем производство предметов потребления. То есть сама система отторгала попытки ее перенастройки на нужды людей. А это значит, что росли структурные перекосы, экономика все больше деформировалась. И все это очень больно ударило потом – в 1990-е годы.

Замечу также, что в дальнейшем никаких попыток изменить соотношение производства средств производства и предметов потребления в пятилетних планах не предпринималось. Кроме того, «косыгинские реформы» предполагали, пусть в микроскопических дозах, дать возможность предприятиям проявлять инициативу. Разумеется, этого было недостаточно, но все же какой-то шаг от абсолютного монополизма с развитием этих реформ, возможно, и стал бы реален. Думаю, если бы провозглашенные реформы тогда развивались, шаг за шагом, при всех сложностях и накопленных проблемах все же был шанс двинуться к рыночной экономике более плавным, эволюционным путем, избежать тех потрясений, которые пришлось пережить уже в 1990-е годы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Часто говорят, что у нас реформы делали неправильно, а вот в Китае – правильно.

Е. ЯСИН: Проблема китайского пути – сложная и многогранная. Кроме того, китайские реформы еще не завершены. Сегодня многие предупреждают о массе проблем, которые ждут эту страну впереди. Да и вряд ли наши люди обрадовались бы переселению в эту страну. Там и сейчас уровень душевых доходов населения в целом существенно ниже российского. Но главное – совершенно другие условия, масса сельского населения, которое можно быстро перебрасывать на разные индустриальные объекты. Этот ресурс в СССР к 1990-м годам был уже исчерпан. Единственное, что могу подчеркнуть: если бы мы начали реальное реформирование хотя бы в 1960-х годах, переход к рынку проходил бы несравнимо легче. Но, как известно, к концу шестидесятых политическая ситуация сложилась явно неблагоприятная.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тут случилась «пражская весна»...

Е. ЯСИН: Для нашей темы важно, что это была не только идеологическая, но и политическая попытка изменить существующую систему, построить, как тогда говорили, «социализм с человеческим лицом». Была и серьезная экономическая программа. Главным чехословацким реформатором 1960-х годов был Ота Шик, возглавлявший тогда Институт экономики Чехословацкой академии наук. К тому же он был руководителем комиссии по экономической реформе и заместителем председателя правительства. Они пытались совместить на практике план и рынок, сделать экономику более эффективной и привлекательной, но, по сути, подняли руку на святая святых нашей системы – монополизм. А этого у нас очень испугались, и реформы были свернуты.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: О том, что стало с «пражской весной», достаточно известно. Однако проблемы, о которых вы говорили, не исчезли. Почему же столь неэффективная система просуществовала еще больше двадцати лет?

Е. ЯСИН: Тут советскому руководству очень повезло. Напомню, что в 1973 году произошло резкое повышение цен на нефть. Это было первое столь масштабное повышение цен. Потом последовал еще скачок в 1979 году. Был еще один скачок, и по сравнению с началом семидесятых цены на нефть поднялись, наверное, раз в восемь-десять. А у нас незадолго до этого были открыты знаменитые месторождения Самотлора и были очень хорошие нефтяники, которые быстро учились и резко увеличили добычу нефти. Сравните: товарищ Сталин, выступая в 1946 году перед выборами в Верховный Совет, говорил о задаче поднять добычу нефти до 60 млн тонн. Мы в 1970-х – начале 1980-х годов подняли добычу нефти более чем до 600 млн тонн, то есть в десять раз больше. Мы заработали на нефти за эти годы примерно 180–200 млрд долларов, причем напомню, что в те времена доллар «весил» существенно больше, чем сей-

час. Но это упавшее с неба богатство мы не вкладывали в стабилизационный фонд, оно расходовалось очень широко, даже расточительно. Правда, за счет этого мы смогли повысить уровень жизни, покупали продовольствие. А с этим после «успехов» коллективизации было очень плохо. К 1990 году ежегодные закупки зерна составляли примерно 40 млн тонн. Шли закупки и одежды, и обуви, и постельного белья, и зубной пасты и т. д. и т. п. Причем это был государственный импорт, потому что иначе было нельзя, но деньги на это были. Кроме того, закупалось оборудование, хотя далеко не во всех сферах, в которых нам бы хотелось, ведь шла холодная война и Западом было наложено эмбарго на закупки того оборудования, которое могло бы быть использовано в военных целях. Строились трубопроводы по схеме «газ – трубы»: мы покупали трубы, клали трубопроводы, а потом расплачивались поставками газа. И так далее. Например, в 1987 году у нас производство предметов потребления составляло лишь 24,9 % промышленного производства. А в 1940-м, довоенном, году, когда явно готовились к войне, этот показатель составлял 39 %. И надо понимать, что такие структурные перекосы в экономике – это не просто какая-то макроэкономическая проблема. За всем этим стоят судьбы людей, связавших свою жизнь с предприятиями, производителями, по сути, ненужную продукцию или продукцию, которая в новых условиях была государству просто не по средствам – на нее не было денег.

А у противников реформ всегда был аргумент – как же мы можем лишить людей работы, заработка. Причем в 1990 году была уже другая, гораздо более тяжелая ситуация, когда цены на нефть упали и плановые рычаги перестали работать почти совсем. Помню, уже в 1990 году обсуждали программу «500 дней», а представители Правительства СССР, в том числе Валентин Сергеевич Павлов, будущий последний премьер-министр Советского Союза, и ряд других министров, убеждали, что наши предложения принять нельзя, ибо для этого нужно остановить строительство, скажем, трех авианосцев и тогда люди останутся без работы. А мы не знаем, что с ними делать. Мы не можем остановить производство вооружения, потому что это тоже люди, и соответствующие ведомства тоже аналогичные заключения давали.

Должен сказать, что в тот вечер я был ошеломлен. Потому что гораздо больше стали ясны последствия того, что в действительности надо сделать. И был выбор. Можно ничего не делать, но что тогда будет? Будет продолжаться развал, который становится все опасней и опасней. Потому что уже на границах регионов стали выстраиваться барьеры, которые препятствовали перемещению товаров. Центр не справлялся с концентрацией и распределением фондов. Такая вот была ситуация.

Но люди сейчас не думают о сложившихся за долгие годы структурных деформациях, сталкивающих страну в пропасть. Они помнят одно: после начала реформ на их оборонном предприятии или работающем с ним НИИ – а такие у нас были особенно привлекательны и по зарплате, и по разным социальным благам – вдруг не стало работы, исчез госзаказ и они вынуждены были искать средства к существованию, забыв прежнюю, нередко весьма интересную и престижную специальность, свою квалификацию, на достижение которой ушли годы, и заняться, например, торговлей, челночным бизнесом и т. п. Этого реформаторам до сих пор не могут простить. Хотя вина тут не их, а той самой плановой системы, которая изначально дала людям неверное направление. Но до этих событий было еще далеко, а сейчас я вернусь в 1970-80-е годы.

Я хочу все-таки акцентировать внимание на негодности этой системы. Плановая система была уже нежизнеспособна, но благодаря взлету цен на нефть она получила отсрочку. А потом, в 1985–1986 годах, цены упали в несколько раз. Раньше все проблемы в какой-то мере тушились нефтяным дождем. Затем же они обострились с новой силой. Да и раньше они нарастали. Неслучайно время от времени принимались «судьбоносные» постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР уже в годы «нефтяного изобилия», например в 1979 году, но все они оказывались неисполнимыми. Потому что они не касались сути системы, а отсюда эффект

от таких указаний оказывался ничтожен. То есть проблема была системная, и без ее решения нельзя ограничиваться какими-то частными новациями на предприятиях, например по внедрению научно-технических инноваций – тема, очень волновавшая наше руководство уже в 1970-х годах. Тут и героические усилия не помогали, да и соглашались на них лишь единицы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А были ли у нас тогда ученые, понимающие всю глубину проблем и думающие о серьезных изменениях системы?

Е. ЯСИН: Конечно, были. Не стану рассказывать об известных семинарах молодых ученых Москвы и Ленинграда, организованных Гайдаром и Чубайсом, где разбирались серьезные системные проблемы и нащупывались меры их решения. Были и грамотные экономисты более старших возрастов, но своими идеями они могли делиться только в узком кругу единомышленников или писать в стол. Вспоминается, кстати, «Новосибирский манифест» Татьяны Ивановны Заславской – ее доклад на семинаре в Новосибирске весной 1983 года. В нем, если коротко, было четко показано, причем в строго марксистской терминологии, что существующие в стране производственные отношения не соответствуют современному уровню развития производительных сил. И эти производственные отношения необходимо менять. Доклад был засекречен, но кто-то не сдал его обратно в «первый отдел» и доклад попал на Запад, был там опубликован. В результате директора института академика Абеда Гезевича Аганбегяна и саму Заславскую чуть не исключили из КПСС. А наша пропаганда долго уверяла, что это фальшивка. Правда, к концу года, очевидно в связи с болезнью Андропова, шум как-то утих. Эта история свидетельствует о том, как сложно было высказать свою точку зрения. Но когда началась перестройка, такая возможность появилась, прежде всего в литературных «толстых» журналах. В «Новом мире», «Знамени», других подобных изданиях стали появляться первые статьи экономистов, вызвавшие широкую общественную дискуссию о состоянии отечественной экономики.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это было, так сказать, в широком общественном пространстве, а в научной среде?

Е. ЯСИН: Здесь перестройка также открыла большие возможности. Можно вспомнить много имен – и Анчишкина, и Яременко, и Примакова, и Петракова, и многих-многих других. В научной среде новые идеи необходимо было пробивать. Они встречали огромное сопротивление и ученых, привыкших к старым идеологическим клише, и видных хозяйственников, не желающих подрывать свое монопольное положение. Но все же общая картина необходимости перемен становилась очевидной многим к началу 1990-х годов. При этом нужно четко осознавать, что в мировой истории точно такой, как у нас, ситуации не было никогда. Потому что не было случая перехода от планового хозяйства к рыночному в столь большой и очень милитаризованной стране. Не было такого случая, поэтому, кого бы вы ни взяли, каким бы опытом он ни обладал, этот опыт был абсолютно бесполезен. Ничего точно не было известно. Поэтому мы оказались не готовы давать конкретные рекомендации. Но мысли о том, что дела идут не так, как надо, беспокоили многих.

Хочу тут вспомнить, что я написал книгу, которая называлась «Хозяйственные системы и радикальные реформы» и вышла в 1989 году, незадолго до того, как я перешел на работу в аппарат Совета Министров СССР. Я долго над ней мучился, раза четыре переписывал и пришел к следующему выводу. Мы имеем феномен очень интересный, а именно: каждая из этих двух систем – плановая и рыночная – внутренне очень логична. Даже плановая, особенно если брать ее вместе с репрессиями. И в то же время эти системы абсолютно несовместимы. Что бы вы ни стали делать, если начинаете что-то менять, обязательно получается хуже, потому что нарушается целостность, внутренняя согласованность. Я пришел к выводу, что единственный случай, когда такая совместимость возникает, – это при установлении цены равновесия. Но все дело в том, что эти цены равновесия могут сложиться только в условиях рынка. План, сколько бы ни говорили о некоем «оптимальном планировании», практически сделать это не может.

Значит, если вы хотите выскочить из этой ловушки, остается одно: надо выбирать или одну систему, или другую. Если плановая экономика, как показала к тому времени сама жизнь, исчерпала свой потенциал, надо делать усилие и переходить к развитию рыночной экономики. Эти мои соображения о пагубности попыток улучшить плановую систему, внедряя в нее некоторые рыночные элементы, продемонстрировали принимаемые в 1987–1988 годах законы, призванные, казалось бы, оживить советскую экономику, прежде всего Закон о государственном предприятии (объединении) и сопровождающие его постановления правительства. То же получилось в итоге и с законами о кооперации и об индивидуальной трудовой деятельности. Сейчас эти решения выглядят двусмысленными и разрушительными. Двусмысленность вытекает из желания совместить несовместимое, изменить реальность декларацией благих намерений. С одной стороны, основные идеи как бы продолжали то, что предлагалось и в 1965, и в 1979, и в 1983 годах, хотя уже можно было бы извлечь уроки из воплощения этих идей на практике. Все это было известно, и реализация этих идей в нашей системе носила разрушительный характер. С другой стороны, предприятиям позволялось гораздо большее, чем раньше, расширение самостоятельности. Но разрушительного было несравнимо больше. Особенно отмечу положение о выборности руководителей и вообще о производственной демократии. Ведь, при всех моих демократических убеждениях, я знаю, что есть сферы, где должно быть жесткое руководство. Вспомните, например, о великом нашем режиссере Георгии Александровиче Товстоногове, который говорил, что театр должен строиться по принципу «добровольной диктатуры» своего руководителя. Только тогда ему обеспечен успех.

Процессы, которые в результате пошли в советской экономике, вылились и в начало демонтажа планово-распределительной системы, и в разрушение управления экономикой как таковой. В общем, к началу 1990-х годов стало очевидно, что мы подошли к порогу, когда нужно было принимать очень серьезные решения, не оглядываясь ни на что, потому что все могло обернуться гораздо хуже. Это могло пахнуть и гражданской войной, и бунтами, и голодом и т. д. и т. п.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Об этом пишет и Егор Гайдар в «Гибели империи».

Е. ЯСИН: Очень советую почитать эту книгу. Это, правда, серьезное чтение, но все-таки очень полезное, я бы даже сказал – необходимое для российских граждан. Но самое главное, вновь повторю, надо понимать, что трудности, даже трагические, начала девяностых случились не по вине Гайдара и его команды. Они были подготовлены длительным периодом развития нашей плановой, социалистической экономики. В этом все дело. В ней были некие внутренние пороки. Во-первых, это была необычайно громоздкая система. Вся страна управлялась как одна бюрократичная компания, и всякое решение требовало проработки в Центре. На принятие любого решения уходила масса времени, мы никогда не могли сделать ничего вовремя. Во-вторых, были убиты внутренние стимулы. Можно сказать так, что у человечества всегда есть как бы два главных вида стимулов – принуждение, вплоть до репрессий, либо конкуренция. Значит, если вы отказались от конкуренции, вы должны переходить к принуждению, к репрессиям. И наоборот. Отказавшись от массовых репрессий, мы в каком-то смысле вынесли системе приговор. Потому что она в условиях мирного развития, на материальных стимулах могла рождать только инфляцию. Однако, поскольку цены были заморожены – а я уже говорил о деформациях системы, – вместо инфляции появлялся дефицит. Но где дефицит, там и теневая экономика. С появлением теневой экономики плановая система становилась еще менее эффективна. Те деньги, которые люди получали в виде заработной платы, но не могли потратить на приобретение нужных им товаров, они несли к разного рода теневикам или относили в сберкассу и ждали, когда эти товары появятся. Но этот отложенный спрос в полной мере никогда не мог быть удовлетворен.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но люди вспоминают, что на сберкнижках лежали деньги, на которые можно было купить две машины или три квартиры.

Е. ЯСИН: Во-первых, далеко не у всех. Есть статистика вкладов конца 1980-х годов. Средняя величина вклада составляла около 1500 рублей, а у многих вообще их не было, они жили от зарплаты до зарплаты. Во-вторых, если у вас были деньги, хоть в сберкассе, хоть дома, то купить на них нужный товар было совсем не просто. Это касалось не только квартир или машин, но и гораздо менее дорогих и «престижных» товаров – ковров, мебели, телевизоров, которые, кстати, часто взрывались. Я вспоминаю своего товарища по работе, который сказал: ну что за страна, что за условия, я хочу купить машину и не могу. Хочу купить дом, кусок земли, но ничего не могу. Что это за экономика такая. Откуда у меня появятся какие-то стимулы для работы? Вот такая была система, и, когда начали падать цены на нефть, наступил момент истины. Уже в 1987 году дефицит бюджета дошел до 20 %. Причем, как я говорил, предлагаемые в 1980-х годах меры лишь усугубляли ситуацию.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но ведь в такой ситуации уже требовались достаточно радикальные решения.

Е. ЯСИН: Вспомните, что наши экономисты были в основном не экономистами, а идеологами. Их не готовили для создания хорошо продуманной программы спасения экономики. Мы не были готовы, предлагали общие размышления, а кроме того, рассчитывали, что у нас много времени. А времени у нас уже больше не было. И опыта не было. Мы поглядывали, Горбачев поглядывал: ну, что там в Югославии, что там в Венгрии, что там в Польше? А тут не надо забывать, что эти страны всегда намного меньше нас тратили на оборону. Они были в каком-то смысле «под крышей» Советского Союза, который их спасал от масштабных, экономических неудач. И при этом у них экономика была гораздо более сбалансирована. То есть не было такого острого дефицита. Не было такого инфляционного навеса, который был у нас. Поэтому, скажем, в Чехословакии, после того как они провели «бархатную революцию» и либерализацию цен, там цены повысились где-то на 3050 %, ведь на рынке многое было. Там совсем другая ситуация сложилась, чем у нас. А здесь мы все больше выпускали денег. Была мечта, что мы сможем постепенно перейти к рыночной экономике. Кстати, до 1987 года и само слово «рынок» у нас нельзя было произносить. О нем серьезно стали говорить только в 1990–1991 годах.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но может быть, после начала гайдаровских реформ надо было обстоятельно объяснять людям, что случилось со страной, что происходит? И тогда отношение к переменам было бы другим.

Е. ЯСИН: Знаете, вспоминаю те времена, когда я неоднократно попадал в ситуации, когда должен был отвечать на подобные вопросы, и мне нечего было сказать. Потому что объяснять тогда, что происходит, пенсионерке, которая не имеет денег, чтобы купить хлеб и молоко... ну, мне нечего было сказать. Это невозможно объяснить. Можно объяснить что-то более благополучному и более образованному человеку. Но простым людям, вдруг лишившимся привычной работы, заработка, это объяснить было невозможно. Это надо было пережить, и всё. Мы все прекрасно понимали, что благодарности не дождемся. Но была ответственность за то, что мы должны вытащить страну. Просто остановить катастрофу.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Однако мы несколько забежали вперед. Ведь была еще попытка исправить ситуацию. После I съезда народных депутатов СССР было утверждено новое правительство, и в нем вице-премьером, отвечающим за экономические реформы, стал академик Леонид Иванович Абалкин.

Е. ЯСИН: Совершенно верно. Леониду Ивановичу поручили возглавить Комиссию Совета Министров СССР по экономической реформе, которая должна была разработать ее новую концепцию. Само это назначение можно считать уникальным сдвигом, поскольку раньше ученых в правительство не приглашали. Абалкин был известным экономистом, возглавлял Институт экономики АН СССР. Работать в этой Комиссии он пригласил меня и Григория Алексеевича Явлинского. Нам было поручено разработать концепцию развития реформ, которую предполагалось обсудить на научно-практической конференции в октябре 1989 года.

В тот период Абалкин был одним из авторитетнейших экономистов, хотя и воспитанных старой школой, но четко понимавших, что сложившаяся система нуждается в серьезном реформировании. Потом, в 1990 году, наши взгляды разошлись, но тогда я с радостью принял его предложение. Я вспоминаю выступление Абалкина, после которого он завоевал мое к себе уважение. Это было выступление на XIX партийной конференции летом 1988 года. Тогда он высказал Горбачеву и всему залу простую мысль: «Вы одновременно хотите высокие темпы и какие-то реформы. Но так не бывает. Давайте смотреть на вещи реально. Ведь вы хотите произвести серьезное функциональное изменение». Тогда слова «институты» еще не знали, но он своими словами так сказал. Речь у Абалкина, говоря сегодняшним языком, шла о серьезных институциональных изменениях, реформах, которые должны были сделать советскую экономику более эффективной. Но если мы беремся за такие реформы, нельзя сразу ожидать роста экономики, должно пройти время, чтобы реформы стали давать отдачу. И я отдал Абалкину свое сердце, свои симпатии и после его выступления понял, что с ним я могу работать.

В Комиссии мы подготовили документ «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долгосрочные меры». Он был распространен для обсуждения перед конференцией. Надо сказать, что потребность в такого рода документах тогда была огромна. Что-то происходило, и никто не мог понять, что именно, куда мы будем двигаться дальше, что будем делать. Поэтому и наступила эпоха программ. Напомню, что потом были программы и «400 дней», предложенная в 1990 году для Правительства РСФСР, а Явлинский стал заместителем председателя правительства, ответственным за проведение реформ, и более известная программа «500 дней», разрабатывавшаяся уже для правительств СССР и РСФСР. Концепция готовилась как полуофициальный правительственный документ, поэтому через десять лет читать ее просто смешно. Там говорилось, например, о социалистическом выборе. И тут же впервые с 1917 года заявлялось, что «рынок – главная форма координации деятельности участников общественного производства», что должно быть «многообразие форм общественной собственности» – к ней по идеологическим причинам относилась и акционерная собственность. Была проведена критическая оценка пройденного пути, сделано признание, что административные методы уже не работают, а экономические, рыночные, еще отсутствуют.

Пожалуй, наиболее интересный момент документа – анализ возможных вариантов перехода к рыночной экономике. Первый – консервативный – был основан на стратегии постепенного встраивания в новую хозяйственную систему. Чрезвычайные меры носят в основном административный, запретительный характер: замораживание цен, ограничение деятельности кооперативов, запреты производителям сокращать объемы производства, отказываться от заключения договоров и т. д. В общем, это был «списанный с природы» вариант как карикатура, которая, как предполагалось, должна быть отвергнута. Второй вариант – радикальный, описанный в терминах неоправданного риска, чтобы задать другую, крайнюю, альтернативу, также тогда неприемлемую, но позволявшую оттенить достоинства варианта, предлагаемого как единственно правильный. Это радикально-умеренный вариант, в принципе похожий на предыдущий, но его главное отличие – поэтапность: в снятии контроля над ценами, в реализации социальных мер поддержки населения. Он предполагал создание особого хозяйственного механизма переходного периода и был рассчитан на пять лет. Тогда процесс представляется управляемым, эволюционным, более мягким и потому легче воспринимаемым обществом.

На конференции нашу программу поддержали по принятому тогда принципу поддерживать официальную позицию, а мы выражали официальную позицию, с докладом выступал сам Абалкин. Ведь тогда уже было видно, что мы приближаемся к довольно острым, сложным временам, что надо принимать серьезные решения. Но все же, несмотря на блестящий доклад Абалкина, мы столкнулись с жесткой оппозицией. Прямо на конференции с резкими заявлениями в духе «нам предлагается отказ от социализма» выступил, например, Георгий Степанович Хижа – кстати, будущий вице-премьер кабинета Гайдара, а затем многолетний председа-

тель Экспертного совета при Правительстве России. Рядом с Колонным залом, где проходила конференция, свои демонстрации проводил Объединенный фронт трудящихся под лозунгом «Долой абалканизацию всей страны!».

Но тут я бы отметил специфику работы тех лет, связанную прежде всего с неуверенностью и непониманием всей сложности проблем. В частности, это выразилось в том, что в самом правительстве над программой, которую предстояло представить II съезду народных депутатов СССР в декабре 1989 года, работали еще две группы – Юрия Дмитриевича Маслюкова, по направлениям XIII пятилетнего плана, и Льва Алексеевича Воронина, по неотложным мерам. Все это предполагалось потом слить воедино. И когда сливали, стало понятно, что наша концепция – флер, словесные декларации, удобные для прикрытия прежней политики. Госплановская группа предложила отложить все новации на два года и за это время сбалансировать пропорции.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть ваша попытка провалилась.

Е. ЯСИН: Тут я хотел бы сказать о неких событиях, которые происходили в глубине экономического закулисья. II съезд народных депутатов СССР принял отрицательное решение по поводу всяких реформ. Но было понятно, что время уходит, а ситуация в мире и в стране накалялась. Съезд прошел, и Николай Иванович Рыжков уехал в командировку, дав поручение Маслюкову, своему первому заместителю, подготовить другую программу.

Абалкин был крайне недоволен. И для будущего президента СССР, который, как уже было ясно, будет избран в марте 1990 года, он подготовил записку о том, что на самом деле надо делать в экономике. И если не делать, то будет все очень плохо. Записка была короткая, президентам не пишут большие записки, и пять страниц текста Абалкин, естественно, написал сам. Этот документ лежал у него в сейфе, в ожидании избрания Горбачева. Но через три дня ему звонит Маслюков и говорит: «Мы стараемся, но у нас ничего не получается, у тебя, наверное, что-то там припасено?» Короче говоря, Леонид Иванович отдал Маслюкову ту записку, которую он подготовил для будущего президента. Тот посмотрел, посоветовался со своими сотрудниками и снова звонит: «Леонид Иванович, годится. Давайте начинайте». Здесь наступили самые главные дни в моей жизни.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В результате появилась все-таки концепция в обход съезда.

Е. ЯСИН: Появилась, но как? Мы с Явлинским сразу же после разговора с Маслюковым получили задание. Стали готовить уже развитые эти пять страниц так, чтобы их можно было отдать Рыжкову и начать переговоры. Написали тринадцать страниц.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То же, что и в первый раз?

Е. ЯСИН: Нет, это уже было другое, потому что прошло время. И ситуация в стране ухудшалась, и уже в Польше Лешек Бальцеревич проводил реформы. Там все кипело вокруг. И я понимал, что мы запаздываем, а правительство не ощущает этого опоздания. Короче, наша записка – я считаю ее самым главным трудом в моей жизни – была передана Маслюкову, тот еще повозился у себя со своими орлами и потом встречал самолет Рыжкова вместе с этим сочинением. Мы все сидим ждем. Пару дней прошло, звонит Маслюков и говорит: «Принято. Давайте, ребята, немедленно садитесь за работу над программой». Я хочу в этом пункте сказать – я многим моим коллегам, да вообще всем людям, желаю, чтобы у них в жизни было несколько дней, которые я переживал тогда. Чтобы вы понимали: что такое проект программы, которую мы пишем на таком уровне? Это значит, что она могла быть реализована. И, исходя из содержания, из того, что там было написано, это был бы поворот в истории страны. Через два дня от Рыжкова поступает распоряжение – пишите программу. Эта программа была написана. Я должен сказать, что в ней была предусмотрена либерализация цен, приватизация и многие другие вещи, которые мы обсуждали между собой, там было смело об этом написано. Мы, авторы, то есть я, Явлинский и Абалкин – начальник, получили добро. И был вечер, когда нас пригласили к Абалкину и мы сидели вчетвером: я, Явлинский, Абалкин и Маслюков. Обсуждали,

когда решение Рыжкова было получено. И мы чувствовали себя победителями. Программа реформы, которую мы написали в марте, потом была передана президенту Горбачеву – его уже избрали. А он в апреле провел президентский совет, который отверг нашу программу, и было принято предложение Валентина Сергеевича Павлова о том, чтобы для создания равновесия в стране, сокращения дефицита цены на все продовольственные товары повысили вдвое, а на хлеб – в три раза. С этим через несколько месяцев, это было 24 мая, как сейчас помню, на сессии Верховного Совета СССР выступил Рыжков. Эффект был необыкновенный. Ясно было, что ничего менее удачного в этот момент предложить было нельзя. В магазинах редкие остатки продуктов сразу исчезли.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А сейчас у меня другой целевой российский вопрос: а что было делать? Вот, скажем, очень часто говорят: проклятые девяностые, плохие Ельцин и Гайдар. История не знает сослагательного наклонения. Если бы в этот момент, я не знаю, реформы взяли бы в свои руки другие люди, скажем «крепкие хозяйственники»?..

Е. ЯСИН: Наблюдал я этих «крепких хозяйственников». Со многими знаком. Многих уважаю по-человечески. Но в начале 1990-х годов уже сложилась ситуация, которую нельзя было разрешать с помощью старого опыта. Там нужны были какие-то совершенно другие подходы. Неоднократно проблема серьезно обсуждалась с разных сторон, и в конце концов мы более-менее выяснили, в каком положении оказались. По сути, в ловушке. Когда я говорю «мы», речь идет не о реформаторах, а об СССР, о России. Мы оказались в ловушке, потому что страна разваливалась, экономика разваливалась, старые рычаги теряли силу. Вы могли дергать за какие-то рычаги, скажем директивных показателей, заданий по выпуску продукции или фондов и т. п. Сейчас уже, наверное, никто не знает, что такое фонды. Но люди старого поколения помнят, как Госплан выделял фонды. Потом фондовые извещения приходили на предприятия, по ним выписывали наряды. И только после этого заключали хозяйственные договоры. Пока все это не было сделано, с нового года не начинала работать экономика. Пока все зависело от раздачи фондов, от директивных заданий, вся старая административная система вроде бы крутилась. Но к 1990 году уже ничего не работало, потому что предприятия не стали заключать хозяйственные договоры. Я очень хорошо помню, как в 1990 году, в декабре, в Госснабе СССР в Орликовом переулке было собрано совещание, на котором присутствовали 2,5 тысячи директоров крупнейших предприятий и т. д. И Павел Иванович Мостовой, тогдашний председатель Госснаба, сказал так: ребята, вот вы тут сидите – пока не заключите договора по выданным нами нарядам, раньше вы не уйдете. В представлении Мостового и людей, которые работали в Москве в центральных органах, незаключение договоров – это был крах всей системы планирования. И они не понимали, как экономика будет завтра работать без их указаний. Но это система перестала работать. И директора поступали по-своему очень разумно. Они не знали, получают они продукцию под эти договоры, по этим нарядам или не получают. И директора рассуждали просто. Сейчас это называется: они готовились к продажам на спотовом рынке. То есть на рынке случайных связей, где устанавливались контакты и продажа велась без участия вышестоящих организаций. Таким образом как бы самопроизвольно, спонтанно начинал формироваться рынок. Но для Госснаба это был кошмар. И в новой ситуации были большие опасности. Потому что начинал формироваться рынок, но, куда пойдет продукция, как все сложится, было неясно. Поэтому я хочу подчеркнуть: дергать за привычные рычаги было бесполезно. Все это ситуация уже конца 1990 года.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, но все-таки я хочу вспомнить наших соотечественников, которые считают себя обделенными и говорят: «Вы, специалисты, представляли себе ситуацию, а мы всю жизнь работали, копили денежки там на что-то. И в один прекрасный момент эта наша значка оказалась изъятой. Почему? Так нечестно!» Пафос понятен?

Е. ЯСИН: Я много раз уже отвечал по этому поводу. Вспомню новеллу Проспера Мериме, посвященную горцу-корсиканцу, – «Коломба». Он анализирует характер этих пле-

мен и говорит, что у этих людей нет понимания того, что может быть случайное, непредвиденное стечение обстоятельств, в котором никто не виноват, но которое случилось. Вы понесли потери, и с этим ничего нельзя поделать. А есть ощущение, что в этом кто-нибудь должен быть виноват. Поэтому у человека в голове зреет план вендетты, он спускается с гор, находит того, кого считает виноватым, и убивает. Такая реакция, такой характер соответствуют определенному уровню культурного развития.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Убедили. Меня убедили. Тогда позвольте задать вопрос: неужели в мире все-таки не происходило ничего подобного?

Е. ЯСИН: Точно такого примера, с такими структурными диспропорциями, с семидесятилетним разрывом в хозяйстве с нормальными экономическими связями не было, не было точного аналога. За год до этого начались либеральные реформы в странах Центральной и Восточной Европы, но они шли в существенно иных условиях, потому что там степень деформации экономики была намного слабее. Но, готовясь к нашему разговору, я обратился к книге Людвиг Эрхарда «Полвека размышлений». Перечитал страницы, посвященные событиям, которые происходили в 1948 году и позже. Картина оказалась очень похожей.

Нужно сказать, что после войны экономика Германии была сильно разрушена. Объем производства составлял примерно треть от довоенного уровня. Половина производства птицы, мяса, молочных продуктов и т. д. Никак не удавалось ничего восстановить. Была призвана на помощь команда американских специалистов, включая банкира Джозефа Доджа, который потом в 1949 году сделал еще денежную реформу в Японии. С нее начался подъем японской экономики. А в этот раз они приехали и составили такой проект, где предполагалось резкое сокращение избыточного количества денег: оно было примерно в пять раз больше, чем в довоенное время, при меньшем количестве товаров. Это очень важно – убрать денежный инфляционный навес. И затем нужно было решать, что делать с ценами, с прочим. Война нанесла тяжелый удар по всем европейским экономикам. В западных странах, в том числе в Великобритании, у власти была партия социал-демократического типа, такого марксистского толка. Поэтому там предлагалось вводить карточки, устанавливать квоты на выдачу тех или иных продуктов, устанавливать твердые цены, чтобы не было никаких неожиданностей, и т. д. и т. п. Такие меры специалисты предлагали применить и в Германии.

Эрхард принял первую часть предложенного плана, а именно денежную реформу. А вторая часть его плана заключалась в том, что нужно строить рыночную экономику. Он доказал американцам и англичанам, что надо вводить свободные цены и обеспечивать конкуренцию. Только в этом случае можно выйти из кризиса. И в конце концов именно это и было сделано. Денежная реформа проводилась в 1948 году. Кстати, примерно по такому плану денежная реформа проводилась в то же самое время в Советском Союзе. Зарплаты обменивались один к одному на новые марки, тогда рейхсмарки были заменены на дойчмарки. А сбережения и всякие другие активы обменивались в отношении один к десяти до определенной суммы. Все остальное реквизировалось, чтобы снова не появилась избыточная денежная масса. Такой обмен привел к тому, что денежная масса все равно оказалась большой, поэтому цены стали быстро расти примерно через пять-шесть месяцев после того, как была проведена денежная реформа. И так же, как потом у нас, были либерализованы цены и создавались условия для конкуренции. Никаких льгот, никаких денежных вливаний в экономику, естественно, не было. Там все было сделано для того, чтобы избыток денег исчез и появились мотивы для нормальной предпринимательской и трудовой деятельности. Причем либерализацию предлагал только Эрхард.

Англичане и американцы были против: они были за карточки. А Эрхард категорически настаивал. И в конце концов огромную роль сыграл его замечательный характер, его колоссальная сила убеждения, воздействовавшая не только на американцев и англичан, но также на немецких парламентариев и, самое главное, на народ, на публику. Он очень часто высту-

пал перед людьми, объясняя им суть своей политики. В конце концов потребовалось все-таки четыре года. В 1952 году уже стали ощутимы серьезные результаты. Первые месяцы были просто ужасными. Но потом стало совершенно очевидно, что ситуация начинает улучшаться. И на свободных выборах, но не общегерманских, тогда была Западная Германия – ФРГ и Восточная – ГДР, 1953 года партия Аденауэра – Эрхарда одержала убедительную победу. И это такой пример, к которому мы должны присматриваться. Ведь именно Эрхард – автор концепции социального рыночного хозяйства. А Гайдар, в конце концов, в 1992 году делал примерно то же самое. И если вы возьмете программу «500 дней», которая была закончена в августе 1990 года, то увидите, что там предлагалось примерно то же самое. Но только там предлагалась не немедленная либерализация цен с последующей жесткой денежной политикой, а, кроме этого, еще и ликвидация денежного навеса до того, как будут либерализованы цены. Но к 1992 году была уже другая, гораздо более тяжелая ситуация.

Думаю, стоит напомнить слова Людвиг Эрхарда, что переход от рыночной экономики к плановой не составляет никакого труда. Потому что все пропорции отлажены. Если вы завтра начали планировать, то немедленно еще ничего не происходит. У вас сложившаяся структура, в которой в целом сбалансированы спрос и предложение. И поэтому первое время все получается более-менее нормально. Проблемы начинаются потом. Но обратный переход гораздо сложнее, потому что вы на входе имеете уже деформированную экономику, в которой производство не равнялось на спрос в течение определенного периода. А в случае СССР/России он затянулся на 74 года. Производство равнялось не на спрос, а на плановые задания и т. д. Возникли очень большие диспропорции. И это не просто диспропорции. Это заводы, это люди, это определенные работы и т. д. И вы должны решиться от всего этого отказаться, понимая, что иначе последствия будут гораздо хуже. У меня просто волосы на теле и остатки на голове торчали все время. Потому что я не представлял, как это можно сделать. Но надо было решаться на это. Вот что дальше сказал Эрхард: обратный путь гораздо тяжелее, потому что нарушены пропорции. А Лешек Бальцеревич, заместитель премьер-министра и министр финансов в первом некоммунистическом правительстве Тадеуша Мазовецкого, сказал так: «Сделать из капитализма социализм – все равно что сварить уху из аквариума с золотыми рыбками. А потом сделать из социализма капитализм – это все равно, что взять уху и из нее сделать аквариум с золотыми рыбками». Я признаюсь, Бальцеревич несколько перегнул палку. Но суть от этого не меняется. Это было исключительно тяжелое мероприятие. И чем дольше существует плановое хозяйство, чем глубже оно проникло во все поры экономики – а в Советском Союзе было каноническое плановое хозяйство, – тем больше будут диспропорции. У нас же существовал еще и колоссальный перекос в сторону милитаризации. И одновременно – огромные проблемы, связанные с производством более или менее качественных конкурентоспособных товаров. Ну, вспомните телевизоры, которые взрывались или не работали. Разве можно их сравнить с теми телевизорами, которые вскоре появились в продаже? Это совершенно разные вещи. А мы не могли просто ничего сделать, чтобы эти заводы, которые делали взрывающиеся телевизоры, не продолжали бы свою, по сути, вредную работу.

Надо было становиться на реальную почву, как-то приспособиться к тому, что дальше будут другие закономерности.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но и аргументы господина Павлова, вы о них раньше говорили, о заводах по строительству авианосцев были резонны?

Е. ЯСИН: Тут важно понять, в каком смысле. Либо вы будете продолжать делать заказы на авианосцы, которые были заложены, когда была еще дорогая нефть и когда плановая машина еще кое-как работает. Но как это сделать, когда она фактически развалилась? Это просто невозможно. Вот представьте себе, что вы стоите перед такой необходимостью, нужно решиться, зная, что будут большие потери, будут серьезные испытания, но такой шаг был необходим.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но от людей есть много вопросов такого характера: «Вот вы умные, ученые люди. Могли ли вы сделать так, чтобы простые граждане пережили этот переход с меньшими потерями?» Насколько я понимаю, не было вариантов?

Е. ЯСИН: Не было. Это значит, что, жалея своих сограждан, вы печатаете деньги, раздаете им зарплату, потому что больше нам займы никто уже не давал. А это значит, что такая «жалость» оборачивается не только инфляцией, но и гиперинфляцией. Правда, я хотел бы сделать одну оговорку. Много зависело не только от общего курса реформ, решений правительства, но и от руководителей конкретных предприятий. А они были разные. Одни продолжали требовать от правительства денег, которых у него не было. Другие, используя разные схемы, выводили ликвидные активы из оказавшихся у них в полном распоряжении предприятий. А третьи начинали, при всех трудностях, работать по-новому, искать перспективные ниши для развития своего бизнеса. Как-то Татьяна Ивановна Заславская, изучавшая

состояние разных страт населения в 1990-е годы, отметила, что во всех сферах, включая даже оказавшиеся в самом сложном положении в ходе реформ, она находила примерно 20 % тех, кто смог приспособиться к новым условиям и стать успешными. И в этом заслуга как новых, так и старых, опытных руководителей этих производств. Пример тому – Дмитрий Борисович Зимин, бывший руководителем одной из структур ВПК, но уловивший потребности времени и создавший компанию мирового уровня. Это была удача не только Зимина, но и тех людей, которые работали вместе с ним. Они также пережили трудности 1990-х годов, но смогли находить новые решения в новой ситуации, позволившие выстроить по-настоящему рыночную компанию. Поэтому важна была и инициатива «снизу».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Подводя итоги нашей беседы и исходя из ваших аргументов, получается, что Ельцина и Гайдара не проклинать надо повсеместно, а благословлять и благодарить.

Е. ЯСИН: Я лично так считаю. Самое главное в том, что произошло в 1990-х годах, – это воля к принятию таких крайне непопулярных решений. И были два человека, которые взяли на себя ответственность за это: Ельцин и Гайдар. Я спрашивал Гайдара: что вы намерены делать в такой сложной ситуации? Это было в октябре 1991 года. Он мне сказал: «Вы знаете, то, что нам надо сделать, можно сделать только при двух условиях. При жесточайшей военной диктатуре или при харизматическом лидере, который покроет своим авторитетом сложившуюся ситуацию и заложит свой авторитет. Положит его на алтарь этих самых жестоких реформ, и страна выйдет на какую-то магистральную дорогу, по которой сможет развиваться». Нам счастье подвалило. Оно состоит в том, что у нас был Борис Николаевич Ельцин, который обладал необходимой харизмой и положил свой авторитет на алтарь реформ. Егор Гайдар и очень небольшая команда, с которой он работал, в действительности знали, что делать. И поэтому я считаю, что это был подвиг. Вот представьте себе – вы должны решиться на что-то подобное. Я думаю, что этот подвиг не меньший, чем многие другие исторические свершения нашей родины. И поэтому, когда я услышал, что американцы думают устанавливать памятники победителям в холодной войне, я должен сказать, что их представления ложны. Потому что не они победили нас в этой холодной войне. Мы сами победили свои недостатки, а это гораздо тяжелее и гораздо важнее. И конечно, гордиться надо тем, что среди нас нашлись люди, которые смогли этот подвиг совершить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, вам тут письмо. Его смысл в том, что надо для людей создать такой «книжный экономический ликбез», чтобы вы рекомендовали логическую последовательность книг по ликвидации экономической безграмотности.

Е. ЯСИН: Я сейчас бы посоветовал популярную книжку по экономической части. Она называется «Перевал». Написал ее Леонид Исидорович Лопатников. Он очень интересный человек. Ветеран Великой Отечественной войны, который давно занимается популяризацией экономико-математических исследований и т. д. Книга написана очень легко и читается легко. Это первое, что я могу посоветовать. Но на самом деле таких книжек немало.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А вы сами ничего не написали на эту тему?

Е. ЯСИН: Есть книжка, которую я написал и использую для обучения студентов в Высшей школе экономики. Она называется «Российская экономика. Истоки и панорама реформ». Там гораздо более подробно затронута вся проблематика, которую мы обсуждали и еще будем обсуждать. И конечно, книжки Егора Гайдара я тоже советую, прежде всего «Гибель империи». Главное – понять, что к началу 1990-х годов страна зашла в тупик, из которого не было легкого выхода.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Закончим на этой пессимистической, я бы сказала, ноте, но цикл «Девяностые – время надежд» лишь начинается, и Евгений Григорьевич, а также приглашенные им гости постараются дать развернутые ответы на вопросы, которые по-прежнему волнуют наше общество. Спасибо, Евгений Григорьевич!

2 Август 1991 года. ГКЧП (Е. Ясин)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: В предыдущей беседе вы, Евгений Григорьевич, рассказали о том, как деформировалась советская система хозяйствования, как положение в экономике с каждым месяцем приближалось к катастрофе. Для многих становилась очевидной необходимость перемен. И тут 19 августа 1991 года ранним утром было объявлено о введении чрезвычайного положения, о создании так называемого ГКЧП, под предлогом болезни отстранившего от власти Михаила Сергеевича Горбачева и выступившего с программой, означавшей поворот назад, утрату всех достижений в социально-политической сфере, которых удалось добиться за годы перестройки. Правда, ГКЧП продержался недолго. Уже утром 21 августа из Москвы стали выводить войска, а 22 августа состоялся грандиозный митинг у Белого дома – оплота защитников демократии во главе с Борисом Николаевичем Ельциным. Именно во время этого митинга прозвучала идея о провозглашении триколора официальным российским флагом. С тех пор этот день и стал Днем российского флага. Правда, теперь об этом дне власти, да и большинство населения, стремятся забыть, не вспоминать всех тех событий. Многие переменили к ним отношение. А что значит для вас день 22 августа?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Для меня 22 августа – это истинный национальный праздник свободной России. Я в этот день на своем доме вывешиваю трехцветный российский флаг. И вспоминаю при этом не последующие события 2000-х годов с возвращением советского гимна и т. д. и т. п., а атмосферу того солнечного дня, общее ощущение душевного подъема после трех тяжелых дней путча. И еще не могу не вспомнить то огромное полотнище триколора, которое еще 19 августа, когда было совсем не ясно, чем все кончится, несли к Белому дому российские предприниматели как символ несогласия с позицией ГКЧП и символ готовности разделить ту ответственность и ту борьбу, которая в те дни проходила вокруг Белого дома. Кстати, у нас часто вспоминают разного рода «цветные революции», во множестве прокатившиеся в последние годы и по бывшим советским республикам, и по странам арабского мира. К ним у властей сложилось определенное отношение как к результатам неких происков спецслужб, прежде всего американских. Считается, что эти революции – колоссальная опасность для России.

Однако стоит вспомнить, что наша собственная государственность – плод именно такой «цветной революции». Наша «цветная революция» прошла именно в те августовские дни 1991 года. Ее движущими силами были те активные народные слои, которые понимали катастрофичность разворота назад, предлагаемого ГКЧП. Никакие иностранные спецслужбы не могут так воздействовать на всю атмосферу общества, как это было на протяжении всего 1991 года. Революция не заговор, не переворот, она результат истинно национального движения, назревавшего в 1990–1991 годах и завершившегося кульминацией августовских событий.

Можно также сказать, что первая «цветная революция» состоялась именно тогда, в России. Она была истинно национальная, российская, первая в Советском Союзе. Конечно, можно сказать, что что-то подобное раньше было в Прибалтике. Но и нашим балтийским коллегам стоит вспомнить, как несколько сотен тысяч москвичей вышли на демонстрацию и митинг в январе 1991 года с протестами против событий в Вильнюсе. Думаю, это было существенной помощью нашим балтийским коллегам в их борьбе. А после нашей августовской победы страны Балтии официально получили независимость. Для того чтобы Россия избавилась от наследия коммунизма, чтобы она почувствовала себя новой страной, новой демократической страной, ей нужно было испытать то чувство эйфории, которое разделяли все защитники Белого дома и сочувствующие им в те дни как в Москве, так и в других городах, прежде всего в Петербурге, где Анатолий Александрович Собчак умело организовал сопротивление путчистам и даже не допустил ввода войск в город. Я просто хочу это напомнить. У меня все время в памяти две фотографии. Одна – Борис Николаевич Ельцин на танке, точнее бронетранспор-

тере. И другая – Мстислав Леопольдович Ростропович, великий музыкант, специально прилетевший 20 августа в Москву из Парижа, в Белый дом, чтобы разделить судьбу его защитников. На фото у Ростроповича на плече уснул приставленный к нему для охраны молодой человек, а сам музыкант держит его автомат. Вот это навсегда остается в памяти. И это – свидетельства настроений того времени, того подъема истинно народного духа.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Евгений Григорьевич, нам приходит много сообщений об этих событиях от самых разных людей, даже от тех, кто тогда еще не родился или был слишком мал. Вот, например, Надежда пишет. «Если честно, я не помню про это ничего. Мне тогда было семь лет. Но мои родители, живя на тот момент в глубинке, говорили: а, опять в Москве что-то происходит. Им что больше заняться нечем?»

Е. ЯСИН: Да, я знаю результаты многих опросов, касающиеся этих событий. В частности, в 2016 году, когда миновало 25 лет со времени этих событий, «Левада-центр» задавал целый комплекс вопросов. Причем благодаря тому, что они ведут мониторинг основных вопросов, можно выявить динамику изменений общественного мнения. Должен сказать, что практически половина опрошенных в 2016 году, 48 %, выбрала ответ «Не знаю / не помню». Да и изменения в ответах за 2000-е годы говорят о том, что большинство признается, что по тем или иным причинам не может дать им оценку. И доля таких растет. Хотя в 2016 году противников ГКЧП было больше, чем сторонников: 13 % против 8 %. Колеблются и кривые, характеризующие оценку этих событий. В последние годы несколько выросла доля тех, кто воспринимает их как «трагические события с гибельными последствиями» и, соответственно, сократилась доля тех, кто видит в них «просто эпизод борьбы за власть». И только вариант, что это была «победа демократической революции, покончившей с властью КПСС», все эти годы, с минимальными отклонениями в ту или другую сторону, колеблется вокруг цифры 10 %.

Эти опросы отражают отношение наших сограждан к тем событиям четвертьвековой давности. Однако надо учитывать, что это отношение зависит не только от значимости самого события, но и от массы субъективных особенностей опрашиваемого: не только от его образования и общей компетенции, но и от воспоминаний о тех трудностях, которые ему и его семье пришлось пережить в ходе реформ. А ведь 1990-е годы были для многих очень тяжелыми, болезненными. И даже если кто-то смог обеспечить себе и своей семье достаточные средства к существованию, скажем благодаря челночной торговле, но при этом вынужден был оставить интересную и престижную работу, то такая потеря статуса не могла не сказаться на общей оценке событий. Есть одно латинское изречение: *post hoc non est propter hoc* – после того, но не вследствие того. А у нас многим по-прежнему кажется, что все беды, обрушившиеся на них после начала реформ, – следствие поражения ГКЧП, распада СССР, ибо начались после этих событий. Но мы с вами говорили в прошлый раз о том, в каком состоянии была советская экономика к концу 1991 года. И то, что нам удалось спасти страну от полного краха, связано прежде всего с победой над реакционными силами в августе 1991 года.

Поэтому, понимая причины результатов многих социологических опросов и искренне сочувствуя людям, пережившим тяжелые времена, я все же не считаю, что по этим вопросам, вернее по ответам, можно судить о характере и значимости событий. Ведь важно то, каковы фактические последствия того или иного события. Важно то, насколько существенные перемены они вызвали в стране. Являются эти перемены положительными или нет. И я могу сказать, что для меня результат августовской победы над ГКЧП – событие с очень большим положительным знаком. Я знаю, среди моих соотечественников есть много людей, которые думают иначе. И я себе очень хорошо представляю то обстоятельство, что революции делаются в столицах, причем активным меньшинством. Основная масса людей, и рядовых граждан, и высоких начальников, тогда просто выжидали, чем все кончится. И в Москве, и в Петербурге встало на защиту демократии, по сути, меньшинство. И в других частях страны чем меньше город, тем меньше эти события вызывали какой-то отклик. Но таково свойство любой революции. Так

же было и в 1917 году. Так же было и во время Великой французской революции. В тот день, 14 июля 1789 года, когда в Париже взяли Бастилию, король Людовик XVI в своем дневнике написал, что в этот день ничего значительного не произошло...

При оценке события, определении его значимости важно, каковы были его последствия, влияние на последующий ход событий. Вспомним нашу предыдущую беседу: все понимали, что дело движется к катастрофе. Не только понимали, но и разрабатывали программы действий по изменению политики, способных отвести страну от этой катастрофы. Программы эти предполагали преодоление серьезных преград, смягчение неизбежных последствий падения уровня жизни населения, хотя чем раньше мы начали бы реформы, тем слабее был бы удар для населения. Но руководство боялось непопулярных мер и ничего не делало, как страус прятало голову в песок. Я сам это наблюдал, до апреля 1991 года работая в аппарате Правительства СССР.

Помню, как мы, небольшая группа, боролись, действительно старались добиться того, чтобы начались реформы. Потому что страна задыхалась. Мы, как экономисты, понимали, что нужно сделать некие шаги для того, чтобы повернуть события, вытянуть страну из трясины. Но ясно было, что делавшееся тогда в правительстве результата не даст. Например, принимались решения о производстве посуды или каких-то других товаров народного потребления на оборонных заводах, чтобы, так сказать, наполнить рынок товарами, а я говорил в прошлый раз, каковы были к тому времени структурные деформации в экономике. И было ясно, что количество денег, выдаваемых людям в виде зарплаты, денежного довольствия силовикам, пенсий, пособий и т. д. и т. п., не подкрепленных товарами, в сотни раз превышает то, что могли предложить эти оборонные предприятия на потребительский рынок. К тому же для работников самих этих предприятий, от руководителей до рабочих, такое задание было в какой-то мере оскорбительным. Подумайте: они заняты государственным делом – работают на оборону, а тут какие-то сковородки и т. п. Хотя по соседству со многими такими предприятиями располагались огромные полигоны, заставленные уже произведенными танками, бэтэрами, гаубицами и т. п.; их запасов хватило бы на много лет вперед.

Но в правительстве, в руководстве страны все еще господствовало заскорузлое мышление, страх перед тем, что придется идти на какие-то непопулярные меры. Он парализовал правительство. Значит, нужно было действовать. Значит, когда-то эта плотина должна была быть прорвана. И она была прорвана в августовские дни 1991 года. Реформы стали возможны, потому что августовские события завершились победой над консерваторами ГКЧП. Причем победой почти бескровной.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Здесь мы не можем не вспомнить Дмитрия Комаря, Илью Кричевского и Владимира Усова. Может быть, увидев самоотверженность таких людей, готовых на смерть, выступивших безоружными против бронетехники, руководители ГКЧП дрогнули. Кстати, сегодня задают и такой вопрос: «Почему путчисты бездействовали, провоцируя, по сути, развал Союза?»

Е. ЯСИН: Я бы не согласился. Они не бездействовали. Просто тут надо иметь в виду, что стиль нашей российской, советской элиты – это подковерные интриги разного вида. Путчисты старались действовать, но действовать не публично. Потому что, в частности, для такой авторитарной элиты крайне важно, чтобы лидер был окружен неким авторитетом, влиянием, уважением и т. д. Те, кто помнят пресс-конференцию членов ГКЧП 19 августа, дрожащие руки Янаева, понимают, что об уважении тут не было и речи. А с другой стороны, консервативные силы могли заблокировать даже самые нужные проекты прогрессивно настроенного лидера. Я знаю, что программу «500 дней» остановил не лично Горбачев. Его заставили. Напомню и события начала 1991 года в Вильнюсе, потом в Риге, но он и не наказал виновников... Не думаю, что Горбачев был их инициатором. А потом было и выступление Горбачева в Белоруссии, совершенно не свойственное ему. Тут, правда, надо помнить, что сам Горбачев в конце

1990 года произвел перестановки в правительстве, усилившие консервативное крыло. Лишь к весне 1991 года, после событий на Пленуме ЦК КПСС, когда Горбачев даже подавал в отставку с поста генерального секретаря, в итоге не принятую Пленумом, он попытался выскользнуть из объятий той группировки, которая вокруг него сложилась. Работа над Союзным договором тому подтверждение.

Привычные подкованные действия осуществляли и члены ГКЧП. Нельзя также не отметить, что и Ельцин действовал в те дни таким же образом, вел переговоры с рядом руководителей военных, с руководителями регионов и т. п. И можно предположить, что их результаты также сказались на ослаблении давления на защитников Белого дома. Отмечу, что такая стилистика преобладает в наших властных структурах и сегодня. Да, играли не публично. Это была не публичная политика. Но она была привычна. Остается привычной и сейчас.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все же в чем причины победы демократических сил? В современных СМИ эта тема стыдливо замалчивается или сводится к трясущимся рукам членов ГКЧП. Каковы причины победы демократов? Кто, с вашей точки зрения, сыграл наибольшую роль в победе демократической революции?

Е. ЯСИН: На эти дни надо смотреть как на кульминацию российской революции, на революционное разрешение демократических процессов перестройки. Свой вклад в развитие и углубление этих процессов внесли многие люди – тогда наиболее активных из них называли «прорабами перестройки» – и сформировавшиеся тогда «снизу» новые организации, бескорыстно помогавшие демократическим кандидатам побеждать на выборах 1989–1990 годов. Вспомним и широкое движение «Демократическая Россия», и Межрегиональную депутатскую группу, сложившуюся из народных депутатов СССР и много сделавшую для демократизации союзного законодательства. Но, вспоминая эти времена, я хотел бы выделить трех человек, вклад которых выделяется на общем фоне. Я считаю, что наибольшую роль в победе демократической революции сыграли Михаил Сергеевич Горбачев, Александр Николаевич Яковлев и Борис Николаевич Ельцин. Это очень разные люди, отношения между ними были очень сложными, прежде всего я имею в виду Горбачева и Ельцина. Но в общем ходе событий каждый взялся за решение определенной задачи и что мог, то сделал в той или иной мере.

На Горбачеве лежала задача как раз демократизации. И первые шаги демократизации, подъем демократической волны и появление первой оппозиции в виде Межрегиональной депутатской группы – это было его время. Это было его достижение. Александру Николаевичу Яковлеву, который был секретарем ЦК КПСС, отвечавшим за идеологию, выпала другая миссия. Он внес огромный вклад в развитие гласности и демократизации. Неслучайно в 1990 году консерваторы его сместили с этого поста, а Горбачев, пошедший на такой компромисс с ними, лишился в последний период своего правления умного советника. Консерваторы ненавидели его. Напомню, что как раз накануне августовских событий его даже исключили из КПСС. До сих пор в СМИ можно встретить хулу и ругательства в его адрес. Но, с моей точки зрения, он был одним из отцов российской демократии и таким останется. Потому что в России, я убежден, будет демократия, которая даст должную оценку этому человеку. Именно он задумывал многие действия, многие шаги, которые потом реализовывались, и в том числе Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

Конечно, в тройку лидеров входит и Борис Николаевич Ельцин. Этот человек обладал редкостным свойством. У него действительно была колоссальная интуиция. В нужный момент он делал нужные шаги, принимал нужные решения. Отмечу также, что он единственный из руководителей союзных республик сказал твердое нет путчистам. Благодаря ему было легитимизировано сопротивление им. И то активное меньшинство, которое было готово к сопротивлению, получило лидера. Его речь с бронетранспортера навсегда останется в истории России. И это было в тот момент, когда все другие лидеры республик или поддержали переворот, или выжидали. Все боялись репрессий. Но именно Ельцин встал на пути путчистов и одер-

жал победу в, казалось бы, безнадежной ситуации. Гэкачеписты не учли, что тогда были массовые демократические настроения. Пусть не в масштабе страны, но определенно массовые в Москве. Они сыграли решающую роль. Потому что, когда путчисты хотели привести в действие войска, те командиры, которые получили приказ, говорили: «Нам придется убивать много людей, мы не хотим».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тогда возникает вопрос. Август 1991-го – время романтических надежд на то, что Россия создаст гражданское общество, что власть будет служить нам, а не мы власти. Почему же произошел откат назад? Почему народ отдал власть силовикам, да еще из спецслужб?

Е. ЯСИН: Тут, я думаю, надо учитывать много факторов. Прежде всего, беспрецедентность задач реформ в нашей стране. Не будем забывать, что наш социалистический эксперимент длился более семидесяти лет. Такого не было ни в одной из постсоциалистических стран Восточной Европы. В прошлой беседе мы говорили о том, в каком плачевном состоянии находилась наша экономика. Отмечу, что мы еще многого не знали. Егор Гайдар, который понимал всю сложность проблем реформирования советской экономики, придя в правительство и получив доступ к закрытой информации, рассказывал, что пришел в ужас. Ситуация оказалась гораздо хуже, чем он предполагал. Но реформы все равно проводить было необходимо. Стране, прежде всего крупным городам, грозил голод, надвигалась холодная зима. Эту зиму нам всем надо было пережить. А ведь у большинства наших сограждан, многие из которых с началом реформ потеряли работу, нередко любимую, или за их труд платили жалкие гроши, на которые невозможно было прожить, не было никакой подушки безопасности. Ведь раньше многие жили от зарплаты до зарплаты, а те, у кого были сбережения, лишились их из-за инфляции. К тому же тогда хотя большинство населения и желало реформ, одновременно было категорически против их отрицательных моментов. Помню опросы середины 1991 года, которые фиксировали, что 60–70 % населения за реформы и переход к рыночной экономике, но те же 60–70 % одновременно заявляли, что они против таких неизбежных последствий реформ, как безработица, падение доходов, закрытие нерентабельных производств и т. п.

И тем не менее надо отдать нашему народу должное – он стойко переносил трудности первых лет реформ. Вспомним референдум апреля 1993 года и вопросы, сформулированные для него Съездом народных депутатов РСФСР и направленные против Ельцина и правительства, – знаменитые «да, да, нет, да». Тут второе «да» – ответ на вопрос «Одобряете ли вы экономическую политику Ельцина?». Расчет был на то, что большинство скажет нет, но 52 % сказали да, поддержали реформы. На мой взгляд, Ельцин весной 1993 года не воспользовался результатами референдума. Именно тогда ему надо было действовать гораздо решительнее. Но он медлил – возможно, искал компромисс.

В дальнейшем кризис 1993 года завершился указом № 1400 о роспуске народных депутатов РСФСР и новых выборах, которому значительная часть депутатов не подчинилась. Противостояние завершилось кровавыми событиями 3–4 октября, финалом которых стал так называемый расстрел парламента, хотя к нему все сводить нельзя: там была очень сложная ситуация, требовавшая компромиссов с обеих сторон. Но главное – на улицах Москвы пролилась кровь, погибло много людей. Это не могло не отразиться на общественных настроениях, что и вылилось в декабре 1993 года в победу партии Жириновского на выборах в Думу по партийным спискам, хотя – об этом мало говорят – в целом в Думе 1993 года фракция Гайдара «Выбор России» была самой многочисленной благодаря большому количеству демократически настроенных одномандатников.

Но такие события, а затем и чеченская война серьезно сказались на настроениях населения. К тому же период экономического спада и высокой инфляции сильно затянулся. Лишь в 1997 году появились первые, хотя и слабые, видные, пожалуй, только специалистам, и то не всем, признаки того, что реформы стали давать отдачу. А тут дефолт 1998 года, снова ужасные

потери для населения. Люди устали. Им казалось, что реалии, связанные с либерализацией экономики и политики, мешают наладить нормальную жизнь. Казалось, что главное – «порядок», необходима «твердая рука», чтобы навести порядок. Мысли, прямо скажем, привычные для советского человека.

Но ответ на ваш вопрос, мне кажется, надо искать не здесь. Все это конкретные исторические события. Они могли быть такими, они могли быть другими. Но важно все-таки, что революция 1991 года стала значимым событием, потому что она открыла дорогу реформам, без которых очень скоро страну ожидал крах. Кроме того, это была такая переломная точка и такая народная эйфория, вера в то, что назавтра мы победим, что будут у нас и демократия, и демократическое государство, и рыночная экономика – все свойства цивилизованного современного государства.

Пусть я ограниченный правым флюсом экономист, но я считаю, что ключевая задача тогда состояла в том, чтобы перейти от плановой экономики к рыночной. И события августа обеспечили решение этой проблемы. Они вывели на рыночные реформы, которые начались с конца 1991 года. И если мы сегодня добились каких-то успехов, то прежде всего благодаря этим реформам. Это действительно была пора надежд, которые потом были в значительной степени погашены в ходе труднейших преобразований и убиты в последние годы. Вот это мне, конечно, не нравится.

Также я хочу сказать, что, кроме этого, была очень серьезная проблема. У нас сложились качественно иные условия начала реформ по сравнению и со странами Центральной и Восточной Европы, и с бывшими союзными республиками СССР. Ведь Россия, как и бывший СССР, – империя. Время империй кончилось, так страна не могла больше развиваться. Но из-под ее имперского влияния вырвались сначала восточноевропейские страны, а затем и бывшие союзные республики. Для массового сознания народов этих стран сам факт отрыва от России воспринимался как акт освобождения. Это давало силы переносить иногда даже более жесткие экономические реформы, чем в России, вспомним, например, страны Балтии. У нас же на объективные трудности, связанные с реформами, наложился еще и так называемый имперский синдром. Свершившееся воспринималось как утрата «величия страны». И сейчас этот «имперский синдром» резко выплеснулся в связи с присоединением Крыма к России в начале 2014 года.

Подчеркну, что я в свое время был сторонником сохранения Союза и ужасно злился на Гайдара за то, что он и его коллеги соглашались с выделением России, даже боролись за это. Я долгое время не поддерживал такую позицию. Но со временем, после долгих размышлений я согласился с тем, что в основном Гайдар и его коллеги были правы. Мы получили возможность построить демократическое национальное государство, то есть современное государство гражданской – не этнической – нации. При этом вновь подчеркну, что и для меня распад СССР был очень тяжелым событием. Приведу простой факт: у меня отец похоронен в Москве, а мать – в Одессе. И я не мог считать Украину другой страной. Мне было с этим трудно смириться. Но история на наших глазах это сделала. В течение всего четверти века мы наблюдали, с одной стороны, фантомные боли империи, а с другой – всплеск национализма не только в республиках, отделившихся от России, но и в самой России. Это очень сложная и тонкая проблема. Ведь националист часто стремится переложить ответственность за свои беды на другого, а надо понять и тех и других и, повторю, в каждой из новообразованных стран надо строить именно гражданскую нацию, а не этническую.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я хотела бы вернуться на шаг назад. Вы упомянули, что в левадовских опросах лишь малая доля людей оценивает август 1991 года как победу демократической революции. Почему?

Е. ЯСИН: Я уже не раз упоминал о том, что было два фактора. Один, объективный, фактор – очень тяжелые испытания в годы рыночных реформ от либерализации цен, колоссальной

инфляции, потери сбережений и в 1992 году, и от дефолта 1998 года. Это действительно были жуткие потрясения. И рассчитывать на то, что такие события кого-то приведут в восторг, было невозможно. А второй момент, конечно, это действие пропагандистской машины, которая все время, надо сказать с возрастающим искусством, промывает мозги. И поэтому мы наблюдали, особенно в 2000-е годы, как меняются настроения. Я не хочу этот фактор отделять от первого.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Факторы факторами, но согласитесь, что так называемые демократические партии не проходят в Думу. Или это тоже пропаганда?

Е. ЯСИН: Нет, конечно. Тут есть и вина самих демократических партий, и отсутствие прочной демократической традиции. Вот интересно, мы в «Либеральной Миссии» издали книжку Ричарда Пайпса о русской консервативной мысли. Он обратил внимание на такое интересное обстоятельство. В литературе об общественных движениях в России все время и на Западе, и в России речь идет о левых радикалах. И почти никогда – о консервативных людях. А уж тем более не о демократах и либералах. Единственный либерал, которого упоминали иногда, был Иван Сергеевич Тургенев. Относили к либералам также Константина Дмитриевича Кавелина, Бориса Николаевича Чичерина, хотя их много было на самом деле. Все это был истеблишмент – дворянство, разночинцы. Но в основном преобладало, с одной стороны, правоконсервативное течение в поддержку самодержавия, включая националистическое, начиная с Александра III, а с другой – революционеры, которые считали, что стоит только сломать, разрушить, уничтожить частную собственность, как наступят всеобщая справедливость и счастье всех угнетенных.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, вновь спрошу: почему то, что произошло в августе 1991 года, надо рассматривать с позиций подталкивания начала реформ? Если бы этого не было, то?..

Е. ЯСИН: Я бы ответил так. Горбачев, безусловно, реформатор. Нет никакого сомнения: его вклад в эти события велик. Но нельзя не видеть и того, что он просто не мог решиться, боялся непопулярных мер. Поэтому тянул, считал, что мы имеем возможность сделать все очень постепенно. Вот и у меня было такое ощущение. Но мне в определенный момент, это случилось уже в январе 1990 года, стало ясно, что постепенно не удастся. Что уже потеряны рычаги управления. Поэтому нужно было решаться. И это можно было сделать только тогда, когда сменится власть. Так и получилось.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, еще один острый вопрос, который нам задают: «Почему за время гайдаровских реформ после августа 1991 года население возненавидело демократов и либералов?»

Е. ЯСИН: Я отчасти это уже объяснил. Еще раз хочу напомнить, что в то время демократические настроения очень сильно преобладали, и они были, на мой взгляд, слишком радикальными для того, чтобы умеренность, компромиссность во взглядах и в событиях взяли верх. К тому же тогда сложилось очень тяжелое противоречие между экономическими проблемами, которые нужно было быстро решать посредством рыночных реформ, и демократическими, политическими преобразованиями. Мои друзья политологи все время говорят, что Ельцин не решил главную задачу, он не ликвидировал российскую традицию моносубъектности власти, по сути старую традицию самодержавия, концентрации чрезмерной власти в руках одного человека. Это надо было ликвидировать в первую очередь, многие так думают и сейчас. Но вспомним, что тогда ситуация в экономике была катастрофическая. Реально грозил голод. Даже если бы вы выстроили идеальную политическую систему, есть-то надо все равно. Значит, надо было в первую очередь решать экономические проблемы, а они к тому времени могли быть решены только мучительными, трудными, непопулярными мерами, откладывая которые уже не было возможности. Как не раз говорил Гайдар, такие реформы можно провести или в условиях жесткой диктатуры, или при опоре на харизматического лидера, который понимает безвыходность ситуации и готов пожертвовать своей популярностью во имя реформ. У нас на

это решился Ельцин. Но сама ситуация, расклад политических сил требовали тогда усиления президентской власти. Напомню, что ранее в целях борьбы с коммунистами и затем при противостоянии Ельцина с Верховным Советом постоянно принимались, даже просто с голоса, поправки в Конституцию РСФСР, усиливающие власть Верховного Совета и ограничивающие президента.

Ну как было разрешать противоречия? Ведь в то время ставка была на то, чтобы все сделали демократы, которые пришли к власти. Она была довольно утопической, потому что нужен был опыт для перестройки всего управления, нужно было время и нужно было срочно решать экономические проблемы. Это кричащее противоречие. И в тех сложных условиях часто приходилось делать не самый лучший выбор. Но одновременно не могу не сказать, что уровень демократии в стране был несравнимо выше, чем он стал в 2000-е годы. Можно ли себе представить, что, например, сегодня на выборах в Думу по партийным спискам побеждает ЛДПР Жириновского, как в декабре 1993 года, или что большинство в Думе оказалось у коммунистов, как в 1995-м, или что Совет Федерации отвергает назначения, предложенные президентом, как не раз бывало в 1990-е годы, или что на губернаторских выборах регулярно побеждают оппозиционеры? Так что если в начале 1990-х годов президентская власть и укрепилась, то она все же держала себя в определенных рамках, не переступала многие красные черты, через которые мы переступили в 2000-е годы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В заключение хотела бы спросить, что было бы, если бы цена на нефть в середине девяностых была бы долларов восемьдесят-девятисто за баррель?

Е. ЯСИН: Если бы цены стали подниматься, предположим, не с сентября 1999 года, а хотя бы с сентября 1992-го, то ситуация была бы существенно иная. Мы бы не имели такой сумасшедшей инфляции. Мы бы быстрее справились с нашей финансовой стабилизацией, у нас не было бы такого бюджетного кризиса. И возможно, что развитие шло бы гораздо более спокойно и без таких потерь для населения. Но отсутствие демократической традиции, отсутствие определенной политической культуры, я боюсь, долларами все равно нельзя было бы возместить. Поэтому я считаю, что определенный откат от демократических достижений того времени был в каком-то смысле неизбежен. В каких масштабах? Конечно, они могли бы быть намного меньше. Лично я считаю, что тех шагов, которые сделал Владимир Владимирович Путин к 2003 году, было достаточно. Дальше уже можно было не закручивать гайки. Ну, он посчитал иначе, поэтому мы сегодня видим то, что мы видим. И это совсем не радует.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Большое спасибо, Евгений Григорьевич!

3

Расстрел парламента в 1993 году (Е. Ясин – Е. Гайдар)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: В этой беседе с Евгением Григорьевичем Ясиным и Егором Тимуровичем Гайдаром мы обсудим тему, которую стало принято называть «Расстрел парламента». Хотелось бы начать с письма, пришедшего по интернету: «Уважаемый Егор Тимурович, согласны ли вы с такой точкой зрения. В октябре 1993 года перед президентом стоял тяжелейший выбор. Либо пойти на создание прецедента нарушения Конституции (это, по сути, так), но и спасти страну от кровавой реставрации, либо отступить перед распоясавшимся парламентским большинством, потерять все результаты только что начавшихся реформ, но не создавать первым прецедента нарушения основного закона. По большому счету правильно ли поступил Ельцин с точки зрения полученных результатов? Не является ли сегодняшняя комедия с выборами отзвуком той легитимизации права на политическую целесообразность?» А приходят и письма, авторы которых безапелляционно заявляют, что, дескать, вы в 1993 году расстреляли ту демократию, которую в 1991 году и провозгласили. Таких сообщений, реплик множество.

ЕГОР ГАЙДАР: Да, охотно верю. Это чуть-чуть неприлично, но хочу ответить вопросом на вопрос. Вот если бы не сейчас, не через пятнадцать лет¹, когда многое забылось, а 4 октября 1993 года вечером, когда все было на экране телевизора или на улицах, жителей Москвы спросили, считают ли они, что президент сделал правильно, использовав войска для того, чтобы обеспечить порядок в Москве... Как вы думаете, сколько москвичей тогда сказали, что Ельцин поступил неправильно?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну, я думаю, что много.

Е. ГАЙДАР: Тогда был опрос, и так ответили 12 %. Причем это люди, которые только что пережили трагические события. Тут не реакция людей, которые через пятнадцать лет вспоминают, что тогда было, или даже просто ориентируются по чужим рассказам либо по известной телевизионной картинке горящих верхних этажей Белого дома. Это тогда отвечали те, кто только что пережили те дни и видели все происходящее. И 78 % москвичей сказали, что да, президент поступил правильно. А президента на следующий день ругали в газетах за то, что он долго ждал. Как можно было это терпеть? Как можно было это допустить? Как можно было поставить страну на грань ситуации, в которой люди со свастикой (а такие были в «дружинах» Белого дома) придут к власти в Москве? Неужели вы думаете, что мы все тогда были сумасшедшими? Я не адресую этот вопрос к тем, кому сейчас до тридцати лет. Они в то время ничего не понимали. Но мы с вами были здесь, в Москве, видели происходящее, и подавляющее большинство из нас сказало, что да, решение правильное, но только запоздалое.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Егор Тимурович, но приведу старый аргумент. Эти люди, даже со свастиками, пришли по зову тех, кого мы тогда имели в качестве парламентариев, избранных в результате демократических выборов 1990 года. Таких людей выбрал народ.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Это не совсем точно. Просто потому, что заседавшие в парламенте свастик не носили. Многие из них были большие демократы и защитники демократии, как они ее понимали. Просто потом, 3 октября, когда произошли захват здания мэрии рядом с Белым домом и штурм Останкино, оказалось, что в атаку пошли другие люди. А это довольно существенно, потому что де-факто инициатива перешла именно к этим людям и их руководителям. Но самое главное, что 3 и 4 октября 1993 года стали лишь финалом длительной цепи событий, продолжавшихся, по сути, больше года. Шло жесткое противостояние Верховного Совета РСФСР, точнее его руководства, проводимым реформам. А какие вехи в этом противостоянии вам, Егор Тимурович, представляются ключевыми?

---

¹ Беседа состоялась в марте 2008 года.

Е. ГАЙДАР: Суть проблемы была заложена 19–21 августа 1991 года. Когда де-факто рухнул Советский Союз и власть в России – на территории бывшего Советского Союза – по существу, перестала существовать. Это было похоже на то, что происходило в России начиная с 27 февраля 1917 года. С этого времени начинается длинный период, когда в России фактически власти не было. Да, в 1917 году существовало Временное правительство, а также Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. А у нас были президент и Съезд народных депутатов – до 1993 года, но реально власти не было. Конституция РСФСР в том виде, в каком она существовала по состоянию на август 1991 года, была неприменима. Она была нормальна в условиях, когда ясно, что все и так решает Политбюро ЦК КПСС, а остальное – бантики. Когда же выяснилось, что по этому закону должна жить ядерная сверхдержава, все фундаментальные противоречия просто вышли наружу. Например, с одной стороны, в основных положениях Конституции записано: есть разделение властей. Там есть президент, судебная власть и т. д. С другой стороны, написано, что Съезд народных депутатов может принять к своему рассмотрению любой вопрос. То есть, например, вопрос о том, надо ли вам сегодня отрезать голову или нет, проголосовать его и решить. Я, конечно, утрирую, но в Конституции так было написано. И как с этим жить в реальной ситуации ядерного государства? На это никакого ответа не было. Ельцин пытался его искать, и главное, что его отличало от очень многих лидеров России на протяжении тысячи лет: он хотел решить этот вопрос без крови. Главная слабость его состояла в том, что он хотел решить его без крови. В этом в сложившейся тогда в стране ситуации была его главная слабость... Потому что его противники прекрасно понимали, что он хочет выйти из тупика без крови. И играли на этом.

Е. ЯСИН: Вы были в эти годы достаточно тесно связаны с Борисом Николаевичем и, очевидно, знаете о его позиции по отношению к сложившейся ситуации, к противостоянию Верховного Совета реформам не понаслышке. Но сегодня в обществе весьма популярна точка зрения, согласно которой на самом деле шла борьба не за демократию, а просто за то, кто захватит власть. И кто будет потом управлять. Что это просто была схватка людей, каждый из которых хотел власти. Причем использовал те традиционные в России методы, которые в этом случае применяются. Но вот Егор Тимурович сказал, что на самом деле у Ельцина было желание избежать такого развития событий. Но и не отдать власть тоже. Это естественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.